

DOI: 10.31857/S013038640024014-3

© 2023 г. А.Н. СОРОКИН

ТЕОРИЯ КРИЗИСОВ СССР КАНЦЛЕРА ФРГ АДЕНАУЭРА

Сорокин Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия).

E-mail: SorokinAN@omsu.ru

Scopus Author ID: 57214146211; ORCID: 0000-0001-7942-7266; Researcher ID: K-5356-2018
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00267.

Аннотация. В статье анализируются внешнеполитические взгляды канцлера Федеративной Республики Германия (ФРГ) Конрада Аденауэра на предпосылки изменения Советским Союзом своего внешнеполитического курса. Учитывая доминирующее положение Аденауэра в системе принятия внешнеполитических решений, именно эти взгляды долгие годы формировали концептуальные основы восточной политики ФРГ. В комплексе убеждений канцлера выделяются два ключевых блока, связанных с ожиданиями экономического кризиса в СССР и роста советско-китайских противоречий. Экономические проблемы в совокупности со сменой поколений и необходимостью повышать жизненный стандарт населения должны были привести Советский Союз, по мнению канцлера, к ограничению гонки вооружений и уступкам Западу. Важным фактором для Аденауэра выступали также советско-китайские противоречия, которые также должны были сдерживающим образом повлиять на советскую внешнюю политику. В перспективе данные проблемы должны были вынудить Советский Союз к сдаче позиций в Европе, к уступкам в германском вопросе. Эти две важнейшие составляющие сформировали теорию кризисов, которой канцлер делился со своими собеседниками по внешнеполитической проблематике. Источниками исследования послужили в первую очередь документы из архива Аденауэра в Рёндорфе (ФРГ).

Ключевые слова: СССР, Германия, К. Аденауэр, холодная война, теория конвергенции, внешняя политика, Китай.

A.N. Sorokin

Chancellor Adenauer's Theory of Crises of the USSR

Aleksei Sorokin, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia).

E-mail: SorokinAN@omsu.ru

Scopus Author ID: 57214146211; ORCID: 0000-0001-7942-7266; Researcher ID: K-5356-2018
The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 22-28-00267.

Abstract. In the article, the author analyses the foreign policy views of the FRG Chancellor Konrad Adenauer on the preconditions for the Soviet Union to change its foreign policy course. Given Adenauer's dominant position in the system of foreign policy decision-making, it was these views that for many years formed the conceptual foundations of the German eastern policy. The Chancellor's set of beliefs includes two key blocks related to the expectations of economic crisis

in the USSR and the escalation of Soviet-Chinese contradictions. Economic problems combined with generational changes and the need to raise the living standards of the population should have led the Soviet Union, in the Chancellor's opinion, to limit the arms race and make concessions to the West. The Soviet-Chinese contradictions which were supposed to have a restraining effect on Soviet foreign policy were also an important factor for Adenauer. In the long term, these problems should have forced the Soviet Union to give up its position in Europe and to make concessions on the German question. These two crucial components formed the theory of crises, which the Chancellor shared with his interlocutors on foreign policy issues. The sources of the study are primarily documents from Adenauer's archive in Röndorf, Germany.

Keywords: USSR, Germany, Konrad Adenauer, Cold War, convergence theory, foreign policy, China.

Первый федеральный канцлер ФРГ Конрад Аденауэр вошел в историю как отец-основатель западногерманского государства. Во внешней политике ФРГ он проводил прозападный курс. Это касалось и политики в отношении СССР. При оценке этой политики следует исходить из того, что ФРГ в период канцлерства Аденауэра скорее объект политики, чем ее субъект, а СССР – мировая держава, контролирующая треть немецкой территории.

Визит Аденауэра в Москву в 1955 г. закончился установлением дипломатических отношений между СССР и ФРГ и возвращением домой немецких военнопленных, осужденных за военные преступления и остававшихся в СССР. Переговоры сопровождались бурными дебатами по германскому вопросу, где стороны не могли найти общий язык; развитие экономических и культурных связей, которое предложил Советский Союз, в повестку переговоров западногерманской стороной включено не было. После 1955 г. до конца канцлерства Аденауэра отношения между ФРГ и СССР оставались напряженными. Это обстоятельство отмечается в российской историографии¹.

Превращение СССР в супердержаву, распространение коммунистической идеологии в мире Аденауэр воспринимал как угрозу², при этом не забывая функционально использовать ее для развития западной интеграции ФРГ. Пример тому – продвижение Аденауэром решения о ремилитаризации Боннской республики после начала Корейской войны в 1950 г.³

Аденауэр возглавил западногерманское государство, когда холодная война уже была реальностью, а годы его правления пришлось во многом на ее апофеоз⁴. ФРГ же, созданная из трех западных оккупационных зон, обладала ограниченным суверенитетом вплоть до 1955 г. Внешнеполитические взгляды Аденауэра укладывались в американскую «политику сдерживания» (федеральный канцлер называл ее «политикой силы» – единство демократического Запада перед лицом советской угрозы). Со смертью Дж.Ф. Даллеса и приходом к власти Дж. Кеннеди наметились разногласия между

¹ Петелин Б.В. Конрад Аденауэр: патриарх германской политики // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 142–169; Сорокин А.Н. Советский Союз во внешнеполитической концепции Аденауэра // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 100–106.

² Gotto K. Adenauers Deutschland- und Ostpolitik 1954–1963 // Adenauer-Studien / Hrsg. von R. Morsey, K. Reppen. Bd. III. Mainz, 1974. S. 3–91; Haftendorf H. Adenauer und die Europäische Sicherheit // Konrad Adenauer und seine Zeit. Bd. 2. Beitrage der Wissenschaft. Stuttgart, 1976. S. 92–110; Meissner B. Die Ostpolitik Konrad Adenauers // Konrad Adenauer. 1876–1967. Stuttgart; Zürich, 1976. S. 125–138; Franz C. “Wir wählen die Freiheit!” Antikommunistisches Denken und politisches Handeln Konrad Adenauers // Hrsg. S. Kreuzberger, D. Hoffmann. “Geistige Gefahr” und “Immunisierung der Gesellschaft”. Antikommunismus und politische Kultur in der frühen Bundesrepublik. München, 2014. S. 145–159.

³ Baring A. Außenpolitik in Adenauers Kanzlerdemokratie. Bonns Beitrag zur Europäischen Verteidigungsgemeinschaft. München; Wien, 1969; Doering-Manteuffel A. Die Bundesrepublik Deutschland in der Ära Adenauer. Außenpolitik und innere Entwicklung 1949–1963. Darmstadt, 1983. S. 55; Morsey R. Die Bundesrepublik Deutschland. Entstehung und Entwicklung bis 1969. München, 1990. S. 28.

⁴ Schwarz H.-P. Anmerkungen zu Adenauer. München, 2004. S. 77.

ФРГ и США в подходах к Советскому Союзу и разрядке напряженности — это был один из признаков заката «эры Аденауэра»⁵.

Аденауэр не принимал возросшей роли СССР в рамках сложившегося послевоенного баланса сил, не признавал ГДР и отвергал возможность компромиссного, т.е. широко учитывающего интересы СССР, решения германского вопроса. Обосновывалась ли эта позиция иррациональным антикоммунизмом, русофобией времен холодной войны или имела под собой рациональный теоретический расчет?

Цель автора статьи — на основе изучения источников и литературы дать ответ на этот вопрос, раскрыв в результате одну из концептуальных основ восточной политики Аденауэра, а именно: ожидание позитивных для Запада изменений внешней политики СССР в результате кризисных явлений.

Главными целями внешней политики Аденауэра являлось вхождение ФРГ в западную систему союзов и обеспечение тем самым безопасности и стабильного вектора развития страны. Воссоединение Германии предполагалось достичь не за счет компромисса с Советским Союзом, а за счет уступок со стороны СССР в ходе разрядки. Советские уступки должны были произойти в результате фрустрации собственных агрессивных планов перед лицом консолидированной позиции Запада. Аденауэр говорил о разрядке, но понимал ее по-другому, чем стоявший у истоков этой политики Дж. Кеннеди и осуществившая ее в ФРГ социал-либеральная коалиция В. Брандта⁶.

Западногерманские историки пытаются систематизировать оценки и прогнозы Аденауэра относительно кризисных явлений в СССР. При этом они исходят из подчиненного характера восточной и германской политики первого федерального канцлера, из ее пассивного, оборонительно-выжидающего характера⁷. Г.-П. Шварц в статье «Представления Аденауэра в области германской политики 1955–1958 годов»⁸ дает общую характеристику факторов, которые, согласно убеждениям канцлера, должны были привести к свертыванию активной внешней политики СССР в Европе: это тенденции разрядки, необходимость разоружения, фрустрация перед лицом консолидированной позиции Запада, невозможность поддерживать высокий жизненный стандарт населения при существующем уровне гонки вооружений, угроза со стороны Китая. Убежденность Аденауэра в неминуемом конфликте Советского Союза с Китаем отмечали Г. Нидхарт, Н. Альтман⁹ и В. Вейденфельд¹⁰. При этом остались неисследованными влияние на концепцию канцлера теории конвергенции, оценка отдельных аспектов, таких как жилищные, продовольственные проблемы, зависимость от экспорта, в совокупности с

⁵ Hacke C. *Weltmacht wider Willen. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland*. Stuttgart, 1988. S. 88.

⁶ Klessmann C., Stöver B. *Die Deutschlandpolitik der Bundesregierung Adenauer und die politisch-parlamentarische Diskussion in dieser Zeit // Materialien der Enquete-Kommission "Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland"*. Bd. V/2. *Deutschlandpolitik, innerdeutsche Beziehungen und internationale Rahmenbedingungen*. Baden-Baden, 1995. S. 1622; Sorensen T.C. *JFK's Strategy of Peace // World Policy Journal*. 2003. Vol. 20. № 3. P. 2–6.

⁷ Schwarz H.-P. *Das außenpolitische Konzept Konrad Adenauers // Adenauer-Studien / Hrsg. von R. Morsey, K. Repgen*. Bd. I. Mainz, 1974. S. 71–108; *Haftendorn H. Sicherheit und Entspannung. Zur Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland 1955–1982*. Baden-Baden, 1983. S. 69–78; *Weidenfeld W. Konrad Adenauer und Europa. Die geistigen Grundlagen der westeuropäischen Integrationspolitik des ersten Bonner Bundeskanzlers*. Bonn, 1976; *Doering-Manteuffel A.* Op. cit.; *Foschepoth J. Westintegration statt Wiedervereinigung: Adenauers Deutschlandpolitik 1949–1955 // Adenauer und die deutsche Frage*. Göttingen, 1988. S. 29–60; *Steininger R. Steininger R. Eine vertane Chance. Die Stalin-Note vom 10. März 1952 und die Wiedervereinigung. Eine Studie auf der Grundlage unveröffentlichten britischer und amerikanischer Akten*. Berlin; Bonn, 1990. S. 30–31.

⁸ Schwarz H.-P. *Die deutschlandpolitischen Vorstellungen Konrad Adenauer 1955–1958 // Rhöndorfer Gespräche*. Bd. 2. *Entspannung und Wiedervereinigung*. Stuttgart; Zürich, 1979. S. 18–22.

⁹ Niedhart G., Altmann N. *Zwischen Beurteilung und Verurteilung: Die Sowjetunion im Urteil Konrad Adenauers // Adenauer und die deutsche Frage*. Göttingen, 1988. S. 99–117.

¹⁰ Weidenfeld W. Op. cit.

попытками Аденауэра использовать эти проблемы для достижения собственных внешнеполитических целей.

В отношении советско-китайских противоречий за пределами изучения оказались попытки Аденауэра проверить и практически использовать свои прогнозы в реальной политике. Исследователи не пытались оценить прогностическую значимость и ценность теоретических построений канцлера в их совокупности. Не изучались источники — аналитические материалы, согласно которым канцлер строил и пытался верифицировать свою теорию кризисов.

Восполнить эти пробелы позволяет исследование документов архива Аденауэра в Рёндорфе (ФРГ). Анализ хранящихся в фонде 3 этого архива протоколов бесед с зарубежными политиками из нейтральных или дружественных ФРГ западных стран позволяет глубже изучить концепцию восточной политики первого федерального канцлера¹¹. Беседы представляют собой обмен мнениями, прежде всего по важнейшим внешнеполитическим вопросам, одна из центральных тем многих бесед — отношения ФРГ и стран Запада с Советским Союзом. Беседы проходили с глазу на глаз, без прессы и коммюнике. В дружеской обстановке стороны, как представляется, откровенно излагали собственные взгляды с целью в первую очередь проинформировать собеседника. В манере общения, подачи информации и своей точки зрения Аденауэром можно проследить еще и желание убедить собеседника, обосновать действующему или потенциальному союзнику собственные внешнеполитические подходы к Советскому Союзу.

Наряду с протоколами бесед, фонд 3 архива Аденауэра содержит аналитические записки, доклады и отчеты, поступавшие Аденауэру по внешнеполитическим вопросам. На многих документах можно видеть пометы канцлера, которые он делал, как правило, зеленым карандашом: обычно это подчеркивание либо другое выделение отдельных мест текста. Протоколы бесед и аналитические записки датируются 1956—1963 гг.; они были частично рассекречены во второй половине 2000-х — середине 2010-х годов; часть документов все еще закрыта для исследователей.

В августе 1961 г. в беседе с послом Люксембурга в ФРГ П. Майерусом, состоявшейся на фоне международного кризиса, вызванного строительством Берлинской стены, Аденауэр заявил: «Русские постепенно оказались в цейтноте, а именно из-за собственной молодежи и китайцев»¹². Что имел в виду федеральный канцлер?

Аденауэр был уверен, что рано или поздно Советский Союз будет вынужден уйти из ГДР и Восточной Европы. Скорого и полного краха советского режима канцлер ФРГ не ждал, но рассчитывал на возможное сокращение масштабов влияния СССР в Восточной Европе. Предпосылками для этого должны были стать сила и единство Запада, включая ФРГ, с одной стороны, и развитие кризисных тенденций и процессов во внутренней и внешней политике СССР — с другой. К внутренним кризисным процессам Аденауэр относил неготовность советской плановой экономики одновременно поддерживать высокий темп гонки вооружений и обеспечивать материальное благополучие собственного населения, которое со сменой поколений будет требовать большего.

Канцлер исходил из того, что в СССР растет новое поколение. На встрече с премьер-министром Индии Д. Неру он отметил: «В самом СССР работают новые силы. Воспитание и образование людей заметно. Люди задают вопросы и противостоят подавлению свободного волеизъявления»¹³.

Аденауэр оказался восприимчив к теории конвергенции, появившейся на Западе в 1950-е годы и предполагавшей постепенное сближение капитализма и социализма за счет заимствования лучших аспектов политической и экономической системы, наличия

¹¹ Adenauer-Archiv. Bestand III/59. Gesprächaufzeichnungen mit führenden ausländischen Politikern // Stiftung Bundeskanzler-Adenauer-Haus.

¹² Ibid. Bestand III/55.

¹³ Ibid. Bestand III/54.

общих черт социального устройства, таких как автоматизация производства, рост технической интеллигенции. Теория конвергенции развивалась в 1960-е годы и нашла широкое отражение и активное применение в «новой восточной политике» федерального канцлера В. Брандта (1969–1974)¹⁴. Зачастую восточную политику Аденауэра и Брандта противопоставляют. Однако общим было влияние на нее теории конвергенции, но это влияние недостаточно изучено исследователями.

Без внимания Аденауэра не осталась телеграмма 1956 г. статс-секретаря МИДа ФРГ В. Хальштейна из Лондона. В ней он информирует канцлера о своем разговоре с министром иностранных дел Великобритании С. Ллойдом и его заместителем И. Киркпатриком относительно визита в Англию советских руководителей. Хальштейн телеграфировал: «Касательно положения внутри России у англичан сложилось впечатление, что техническое образование имеет большой прогресс. Возникновение нового технического класса представляет проблему советскому руководству, так как они хотят “думать и читать”. Киркпатрик говорил о новой “буржуазии”. Идет формирование собственности, даже больших состояний»¹⁵. Как видно, западные политики, в том числе Аденауэр, надеялись на трансформацию советского общества, на недовольство режимом среди растущего слоя технической интеллигенции. Инженерно-техническое образование в Советском Союзе в этот период пользовалось все возрастающей популярностью, что, однако, не вело к росту протестных настроений среди студентов и выпускников. В этом смысле ожидания западных политиков и советологов оказались бесплодны.

Советское руководство, по мнению канцлера ФРГ, вынуждено для обеспечения устойчивости системы и собственного господства обратиться к решению внутренних проблем. В итоге Советский Союз будет вынужден пойти и на разоружение, и на уступки Западу, в том числе по германскому вопросу. В разговорах с зарубежными политиками Аденауэр часто вспоминал свой визит в Москву 1955 г.: из этого единственного прямого соприкосновения не только с советским руководством, но и с советской действительностью он черпал информацию для аргументации своих взглядов. Аденауэр подчеркивал, что из-за гонки вооружений в СССР не удовлетворяются социальные запросы населения; по этой причине советской стороне желательно будет прийти к разоружению¹⁶. Американскому послу в ФРГ Д. Брюсу Аденауэр говорил, что русские должны будут сократить армию, например, на 2 млн, так как нуждаются в рабочей силе¹⁷.

Аденауэр очень серьезно относился к запущенному Хрущевым семилетнему плану развития народного хозяйства СССР (1959–1965). На взгляд канцлера, полноценное выполнение плана было возможно при условии снижения военных расходов и уровня конфронтации. Аденауэр полагал, что России нужен мир; социальное и экономическое положение в стране плохое: не хватает жилья, продовольствия, люди плохо одеты, депрессивны, «особенно женщины представляют собой безрадостную картину»¹⁸. Об этом канцлер говорил в беседе с итальянским премьер-министром А. Сеньи в 1956 г. Из разговоров с Хрущевым канцлер вынес заключение, что Советский Союз не сможет приступить к решению социальных задач, если будет вынужден вооружаться¹⁹. На встрече с президентом США Д. Эйзенхауэром Аденауэр вспоминал визит в Бонн А. Микояна весной 1958 г., в частности его слова, что в последние годы жизни Сталина не было никаких импульсов к развитию и планов перемен в экономике, все оставалось по-старому, поэтому Советский Союз должен догонять. Этим, по мнению Аденауэра,

¹⁴ Schmidt W. Willy Brandts Ost- und Deutschlandpolitik // Willy Brandts Außenpolitik / Hrsg. B. Rother. Wiesbaden, 2014. S. 161–257.

¹⁵ Adenauer-Archiv. Bestand III/99.

¹⁶ Ibid. Bestand III/26.

¹⁷ Ibid. Bestand III/56.

¹⁸ Ibid. Bestand III/26.

¹⁹ Ibidem.

Микоян «молчаливо признал экономические трудности»²⁰. В беседе с корреспондентом британской газеты «Ньюс Хроникл» Аденауэр говорил о «страшной потребности» в жилье, перед которой стоит Советский Союз, и делал вывод, что если бы Кремль пошел на решение вопроса нехватки жилья и увеличения производства потребительских товаров, то пришлось бы ограничить тяжелую промышленность или прекратить запланированные в нее инвестиции²¹.

Хрущев, всерьез взявшись за жилищную проблему, добился ощутимых успехов: с 1956 по 1963 г. в СССР было построено больше жилья, чем за предыдущие 40 лет²². Сокращение военных расходов при этом происходило, но не так драматично, как рассчитывал Аденауэр, т.е. без потери сферы влияния СССР в Европе. Советский Союз в тот период располагал достаточными ресурсами для поддержания статуса великой державы на мировой арене, повышая при этом уровень жизни населения, его жилищное и продовольственное обеспечение.

В беседе с послом США 6 мая 1958 г. Аденауэр отметил, что «Хрущев имеет настоящий интерес к разговору о разоружении. У него нет нимба Сталина и его заслуг в глазах населения. Хрущев должен иметь успех у русской общественности». Аденауэр верил, что Хрущев для этой цели должен консолидировать внутреннее положение и поднять жизненный стандарт населения. Но не сможет этого сделать одновременно с гонкой вооружений. В конце разговора с американским послом Аденауэр сказал, что считает Хрущева, «несмотря на эмоциональную манеру говорить, умным и расчетливым человеком, который размышляет над этим»²³.

Подобная оценка состояния советской экономики и перспектив развития гонки вооружений была распространена среди западных лидеров. Например, во время визита Аденауэра в США в 1957 г. госсекретарь Дж. Ф. Даллес говорил канцлеру, что гонка вооружений тяжела даже для такой индустриально развитой страны, как США, съедает до 10% валового национального продукта (ВНП), для СССР же, чей ВНП составляет лишь 1/3 от американского, идти в ногу с США представлялось ему особо обременительным экономически²⁴. Высокий уровень милитаризации советской экономики, безусловно, играл сдерживающую роль в развитии, был структурной слабостью, однако к серьезным кризисным явлениям он привел в совокупности с другими как экономическими, так и политическими факторами лишь в конце 1980-х годов. Вряд ли расчет Аденауэра простирался так далеко.

В июне 1959 г. Аденауэр принимал бывшего специального представителя (1941–1943) и затем посла (1943–1946) США в СССР А. Гарримана, который только что вернулся из шестинедельной поездки в Советский Союз. Можно предположить, что суждения этого видного американского государственного деятеля и признанного эксперта-практика по СССР должны были восприниматься канцлером серьезно. Гарриман вспоминал Сталина, с которым, по его словам, он встречался чаще, чем любой другой дипломат, сопоставлял фигуры, стиль руководства советских лидеров. Сталин, по мнению американского дипломата, наподобие Ленина, был оракулом, провозгласившим коммунистическую религию, которую сам не воспринимал серьезно. Напротив, Хрущев показался ему «верующим учеником», серьезно относящимся к абсурду коммунистического вероисповедания. Сравнивая атмосферу в Кремле, Гарриман отметил, что на смену страху при Сталине пришли расслабленность и даже шутки при Хрущеве. Так, замечание Гарримана, что Микоян был бы жестким бизнесменом и как капиталист стал бы очень богат, Хрущев со смехом парировал фразой, что тот родился на поколение

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibidem.

²² Власов С.А., Жанбосов А.Т., Бисенгалиев М.К. Жилищная проблема в СССР и холодная война // Жилищные стратегии. 2020. Т. 7. № 1. С. 31–44.

²³ Adenauer-Archiv. Bestand III/25.

²⁴ Ibid. Bestand III/54.

позже. На шуточное предложение отправить Микояна в США, если он будет им недоволен, Хрущев ответил, что лучше отправит его в Сибирь. Тут Микоян, включившись в диалог, заявил, что и эти времена прошли. Гарриман, делаясь впечатлениями от поездки в СССР, подчеркнул, что, хотя условия проживания и улучшились, вопрос жилищного строительства остается для советского руководства актуальным. Американский дипломат рассказывал также об относительных успехах механизации в СССР, за счет которой работники сельского хозяйства достигнут развития в промышленности. Аденауэр в ответ говорил о серьезности собственного восприятия семилетнего плана СССР, выражал опасения относительно того, что успехи его реализации в сочетании с подчинением европейского экономического потенциала способны сделать Советский Союз ведущей экономической державой мира²⁵.

После «берлинского ультиматума Хрущева» (Ноты советского правительства от 27 ноября 1958 г.) теория кризисов в СССР стала одной из центральных тем разговоров канцлера ФРГ с западными политиками. Хрущев, по мнению канцлера, чтобы отвлечь общественное внимание от внутренних вопросов, во внешней политике играет на обострение. Хотя советский лидер не хочет войны, его требования по Берлину, конечно, неприемлемы²⁶.

Зачастую канцлер пытался искать трудности в СССР там, где их не было. Так, в беседе с итальянским премьер-министром А. Фанфани Аденауэр заявил, что в России, кажется, существуют проблемы со школьным образованием. Речь, очевидно, шла о школьной реформе СССР. Законом 1958 г. «Об укреплении связи с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования СССР» предусматривалось овладение в школе рабочими профессиями. В беседе с британским послом К. Стилом Аденауэр интерпретировал школьную реформу в СССР так: «Хрущев имеет оппозицию в высшем классе. Поэтому он заинтересован в том, чтобы студенты и старшеклассники работали на фабриках»²⁷. Такие «аналитические» суждения Аденауэра просто нелепы и свидетельствуют о полном незнании и непонимании им Советского Союза.

Исходя из своих представлений об СССР, первый федеральный канцлер не стремился существенно развивать огромный потенциал двусторонних экономических отношений. Наоборот, на закате канцлерства Аденауэра можно выделить две попытки федерального правительства способствовать экономическому сдерживанию СССР в контексте ожидания кризиса советской экономики. Первой стала поддержка правительством и бундестагом ФРГ решения НАТО об эмбарго на поставку труб большого диаметра в Советский Союз. Этим были сорваны уже заключенные договоры на поставку около 200 тыс. т труб, что вызвало справедливое возмущение западногерманских концернов и советской стороны. Решение это было принято под нажимом США, стремившихся таким образом предотвратить строительство советских трубопроводов в Европу, и вписывалось в видение Аденауэром экономики как одного из средств давления на СССР в ожидании экономического кризиса советской системы²⁸.

В последние месяцы канцлерства Аденауэр выступил против поставок зерна в СССР. Вернее, против сугубо коммерческого подхода к этому вопросу. В 1963 г. ввиду неурожая и неудачной аграрной политики Советский Союз был вынужден перейти к массовым закупкам зерна за рубежом. Канцлер увидел в этом подтверждение своих теоретических построений и возможность для Запада влиять на советскую политику²⁹. Аденауэр внимательно следил за зерновым кризисом в СССР. Архив Аденауэра содержит телеграмму

²⁵ Ibid. Bestand III/57.

²⁶ Ibid. Bestand III/25.

²⁷ Ibid. Bestand III/56.

²⁸ Rudolph K. Wirtschaftsdiplomatie im Kalten Krieg. Die Ostpolitik der westdeutschen Großindustrie 1945–1991. Frankfurt a.M., 2004. S. 170.

²⁹ Stent A. From Embargo to Ostpolitik: the Political Economy of West German-Soviet Relations. New York, 1982. P. 123.

западногерманского посольства в Москве от 7 октября 1963 г. В документе передавалось содержание выступлений Хрущева по этому поводу, а также делался прогноз, что Советский Союз вскоре должен будет прибегнуть к массовым продажам золота, к кредитованию, а также будет вынужден пересмотреть свои экономические приоритеты, прежде всего развитие тяжелой промышленности, включая оборонную. Прогнозировался отток инвестиций советского государства из тяжелой индустрии в аграрный сектор для предотвращения экономических кризисов³⁰.

Еще один документ, подготовленный министерством иностранных дел ФРГ в 1963 г., содержал краткий анализ последних тенденций советского экономического развития. Аденауэр отметил фрагменты текста, рассказывающие о кризисных явлениях: замедлении темпов инвестиций в том числе и в химической промышленности; приостановке крупных индустриальныхстроек; медленном прогрессе в автоматизации; исчерпании экстенсивных методов развития производства зерновых, стагнации животноводства. Отметил канцлер и раздел об импорте Советским Союзом зерна в 1963 г., который, согласно документу, в первый раз поставил под вопрос провозглашенную СССР продовольственную автаркию. При общей оценке советского импорта из стран Запада в 21%, авторами документа выделялся ряд наиболее важных экспортных товаров: оборудование для химической промышленности, трубы и др. Этот раздел также был подчеркнут канцлером. Несомненно, заинтересовал его и вывод: необходимо увязать западные поставки с политическим поведением СССР. Тогдашние советские экономические трудности рассматривались как, возможно, последний шанс получить политические уступки через конструирование экономических отношений³¹.

Аналитика такого рода отражалась и в публичных выступлениях канцлера. На встрече с западногерманскими журналистами в октябре 1963 г. Аденауэр говорил, что он не против поставок зерна русским, но только при одновременном требовании убрать стену в Берлине. Канцлер призывал к единству НАТО при увязывании экономического сотрудничества с политическими уступками СССР, заявлял, что конкуренты не помогают друг другу³². Канцлер предлагал давить на «болевыеточки» советской экономики, таким образом выжимая политические уступки. Как показывает опыт, санкционное давление редко бывает успешным. В 1960-е годы у Советского Союза хватало торговых партнеров в мире, чтобы закрыть дефицитные позиции. Даже внутри западного лагеря радикальная позиция Аденауэра не находила однозначной поддержки, а начавшаяся вскоре фаза глубокой разрядки и вовсе низвела на нет значение подобных теоретических построений.

Из внешних предпосылок грядущего кризиса советской внешней политики Аденауэр особую роль отводил противостоянию СССР и Китая. На канцлера глубочайшее впечатление произвела неофициальная беседа с Хрущевым на даче во время визита в Москву осенью 1955 г., когда советский лидер, возможно, выразил опасения по поводу роста населения Китая и якобы даже попросил у канцлера ФРГ помощи, чтобы справиться с китайской угрозой. Беседа на даче не протоколировалась³³. Кроме свидетельств Аденауэра, других документов, рассказывающих о ней, нет. Возникают определенные сомнения в том, что советский лидер всерьез рассчитывал на помощь от одного из самых последовательных антагонистов своей политики. Однако судя по тому, насколько часто обращался к этой теме канцлер, вплоть до последних дней правления, неофициальные разговоры про Китай во время его визита в Москву могли происходить. В книге воспоминаний Аденауэр приводит слова, якобы сказанные советским лидером: «Беспокойство перед Красным Китаем четко звучало в разговорах... Хрущев

³⁰ Adenauer-Archiv. Bestand III/119 (1).

³¹ Ibidem.

³² Adenauer K. Teegespräche 1961–1963. Berlin, 1992. S. 457–458.

³³ Визит Канцлера Аденауэра в Москву 8–14 сентября 1955 г.: документы и материалы / отв. ред. А.В. Загорский. М., 2005.

снова начал говорить о Красном Китае. Он назвал Красный Китай самой большой проблемой. “Представьте себе, в Красном Китае сегодня уже свыше 600 миллионов человек. Ежегодно добавляется еще двенадцать миллионов. Все они люди, которые живут горстью риса. Что станет – и при этом он всплеснул руками – что станет из этого?” Я подумал: дорогой друг, ты будешь однажды очень рад, если тебе больше не надо будет держать войска на Западе! Хрущев сказал довольно неожиданно: “Мы можем решить эту задачу! Но это очень тяжело. Поэтому я прошу Вас, помогите нам. Помогите нам справиться с Красным Китаем”»³⁴.

Протоколы бесед с зарубежными политиками содержат десятки ссылок канцлера на эту беседу с Хрущевым в качестве аргумента для обоснования неминувости конфликта СССР – КНР. Например, Аденауэр говорил об этом канадскому премьер-министру Дж. Дифенбекеру в 1958 г.³⁵, госсекретарю США К. Гертеру в 1959 г.³⁶, американскому посланнику по особым поручениям А. Гарриману в 1961 г.³⁷ Из того якобы состоявшегося на даче Хрущева разговора Аденауэр сделал однозначный вывод: однажды Хрущев будет рад, что ему не придется держать войска на Западе³⁸.

Иногда Аденауэр со своими собеседниками был не прочь обсудить «жареные» факты и слухи. В октябре 1958 г. федеральный канцлер принимал французского министра почты и телекоммуникаций Б. Корну-Жентилы. На встрече присутствовал и немецкий коллега последнего. На замечание Аденауэра, что отношения между СССР и Китаем не очень хорошие, федеральный министр почты и телекоммуникаций Р. Штюклен ответил, что, как говорят, китайские солдаты в Тибете осквернили портреты Хрущева. В продолжение разговора Аденауэр снова упомянул об озабоченности Хрущева отношениями СССР с Китаем, выраженной советским лидером во время беседы с канцлером ФРГ в 1955 г. на даче³⁹. Похоже, канцлер цеплялся за любой непроверенный, неоднозначный факт, чтобы обосновать свою «китайскую теорию».

С первым премьер-министром независимой Малайской Федерации Абдул Рахманом Аденауэр обсуждал в том числе рост влияния и признания Китая на международной арене, которые не нравились Советскому Союзу. При этом канцлер отметил, что Хрущев – «в первую очередь русский националист, а только затем коммунист»; он никогда не будет готов передать лидерство в коммунистическом блоке Китаю⁴⁰. Серьезные противоречия между СССР и Китаем действительно существовали. Их апофеозом стали столкновения на советско-китайской границе на острове Даманском в 1969 г. Но масштабного военного противостояния Москвы и Пекина не было ни во время Аденауэра, ни позже.

Интересно, что Аденауэр предпринимал попытки верифицировать свою «китайскую теорию», искал ее подтверждения в отчетах подчиненных и в беседах с японскими политиками, лучше знакомыми с ситуацией на Дальнем Востоке. И зачастую не находил. В 1959 г., беседуя с Аденауэром, премьер-министр Японии Нобусукэ Киси сказал, что японцы считают ошибочным мнение, согласно которому в обозримом будущем между СССР и КНР произойдет разрыв из-за конфликта интересов⁴¹. Японский министр иностранных дел Дзэнтаро Косака в 1961 г. сообщал канцлеру ФРГ, что определенные антирусские настроения в Китае есть, но рассчитывать на серьезный конфликт с СССР нет оснований. По оценке японского политика, Китай потенциально очень силен, но в

³⁴ Adenauer K. Erinnerungen 1953–1955. Stuttgart, 1994. S. 527–528.

³⁵ Adenauer-Archiv. Bestand III/25.

³⁶ Ibid. Bestand III/57.

³⁷ Ibid. Bestand III/26.

³⁸ Adenauer K. Erinnerungen 1953–1955. S. 528.

³⁹ Adenauer-Archiv. Bestand III/57.

⁴⁰ Ibid. Bestand III/26.

⁴¹ Ibid. Bestand III/87.

текущий момент возможности его еще ограничены⁴². Однако эти разговоры едва ли подействовали на канцлера отрезвляюще: он продолжал продвигать свои взгляды вплоть до конца канцлерства.

Концептуально Аденауэр исходил не только из пассивной, выжидательной позиции в отношении конфликта СССР – КНР, но и призывал повлиять на ситуацию. Протокол беседы с премьер-министром Японии Сигэру Ёсидой 1962 г. содержит изложение Аденауэром возможной активизации политики Запада по этому вопросу. По мнению канцлера, США должны были изменить свою жесткую политику в отношении КНР, чтобы приблизить Китай к идеологии западного мира. Китайцы казались Аденауэру больше националистами, чем настоящими коммунистами. Аденауэр в очередной раз вспомнил о страхе Хрущева перед Китаем, проявившемся в разговоре на даче. Путем политики определенной поддержки Китая Аденауэру казалось возможным облегчить переговоры с Советским Союзом. Ёсида в целом поддерживал канцлера ФРГ. Он считал, что «свободный мир» сейчас должен помочь Китаю, который испытывает большую нужду. В отношении СССР и Китая японский политик открыто заявил о необходимости применения старого британского правила «разделяй и властвуй»; однажды, на его взгляд, китайцы отойдут от Советского Союза⁴³.

Однако такой подход не преобладал среди японской политической элиты. Вскоре после Ёсиды Аденауэр принимал перспективного японского политика и будущего премьер-министра Эйсаку Сато, совершавшего зарубежную поездку. Аденауэр осторожно поделился с собеседником опасением, распространенным, по его словам, среди стран «свободного мира»: как только ситуация внутри Китая ухудшится и угроза удара в спину исчезнет, Советский Союз атакует «свободный мир». Поэтому, по словам канцлера, на Западе существует мнение, что не следует допускать такого ухудшения. Сато ответил, что прежний премьер-министр Ёсида придерживался как раз этой точки зрения, исходящей из правила классической дипломатии «разделяй и властвуй». Сам же он считал, что можно спокойно общаться со всеми представителями мирового коммунизма, не идя на компромиссы⁴⁴.

В 1962 г. Аденауэр принимал японского политика Кензо Матсумуро, признанного знатока Китая, как назвал его канцлер. Матсумуро несколько раз возглавлял торговые миссии в Китай, способствуя налаживанию связей своей страны с новым коммунистическим режимом КНР. Канцлер вновь вспомнил свой визит в Москву и разговор с Хрущевым, озабоченность последнего огромным приростом китайского населения, живущего горсткой риса, а также выразил надежду, что Советский Союз вынужден будет изменить свою политику в Европе, чтобы направить все силы на сдерживание Китая. В продолжение беседы канцлер отметил, что не считает политику США умной, поскольку американцы, с одной стороны, имеют конфликт с Советским Союзом, а с другой – абсолютную вражду с Красным Китаем. В ответ Матсумуро поделился своими впечатлениями от недавнего посещения Китая. Китайцы, на его взгляд, в построении нового общества больше опирались на национальную традицию, чем на коммунизм. Он отметил рост населения и экономики Китая, сопровождавшийся растущим желанием независимости от Советского Союза, который наблюдал за этим с недоверием. Японский гость рассказал канцлеру об отзыве советских технических советников и задержках в поставках советского оборудования, чем китайцы были недовольны. Но Матсумуро не считал, «что вскоре случится разрыв между Красным Китаем и Советским Союзом». В заключение Матсумуро согласился с Аденауэром, что изменение китайской политики США способно доставить большие затруднения Советскому Союзу⁴⁵.

⁴² Ibid. Bestand III/59.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibid. Bestand III/61.

⁴⁵ Ibidem.

Четко определить отношение Аденауэра к правилу «разделяй и властвуй» в контексте конфликта СССР – КНР помогает изучение протокола беседы канцлера с американскими дипломатами. 2 октября 1962 г. Аденауэр принимал советника президента США по национальной безопасности М. Банди и посла США в ФРГ У. Даулинга. Аденауэр начал встречу развернутым пассажем относительно советской угрозы Европе. Вспоминая свой визит в Москву, канцлер отметил, что соображения Хрущева относительно Китая особенно живо сохранились в его памяти. Тогда у Аденауэра возникло впечатление, что Хрущев серьезно воспринимал китайскую угрозу и был ей озабочен. Далее канцлер сказал собеседникам, что «русские и китайские национальные характеры принципиально разные, потому что китаец чувствует себя намного выше и образованнее; он холоднее русского». Из слов канцлера можно сделать вывод, каким образом Аденауэр пытался играть на видимых ему противоречиях между СССР и КНР. Канцлер сообщил собеседникам, что «в течение многих лет он стремился объяснить выдающимся американцам, что Красному Китаю нужно немного помочь. Но всегда получал ответ, что Америка не может этого сделать из-за Чан Кайши и из-за общественного мнения. Сейчас Фонд Форда организует серию лекций по китайско-американским отношениям. Это, несомненно, может способствовать тому, что американское общественное мнение больше не так чувствительно к, правда, неофициальным, но уже в каком-то виде оформленным контактам с Красным Китаем»⁴⁶. Идея поддержки странами Запада Китая в его конфликте с СССР не нашла значительного распространения; ожидания и усилия канцлера были тщетны.

В 1962 г. Аденауэр на встрече с заместителем министра обороны, будущим президентом Израиля Ш. Пересом также высказался о советско-китайских противоречиях. По словам Аденауэра, за развитием в Красном Китае нужно следить особенно внимательно: «Мировоззрение китайцев отличается от советского. В то время как Советы являются атеистами, в Китае восстанавливаются буддийские храмы, строятся новые храмы. Противоречия между двумя странами действительно значительны. Хрущев семь лет назад уже говорил с ним о своих опасениях»⁴⁷.

Однако попытки Аденауэра найти различия в мировоззрении китайцев и русских для обоснования неминувости конфликта между СССР и КНР выглядят во многом искусственными. Аденауэр получал интересующую его аналитику относительно отношений СССР – КНР и положения на Дальнем Востоке и в Сибири. Западногерманский дипломат и внешнеполитический советник канцлера Х. Остерхельд составил для него ряд аналитических записок о Восточной Сибири. В записке от 23 января 1962 г. передаются личные впечатления двух сотрудников посольства ФРГ в СССР, посетивших регион в 1961 г. По мнению западногерманских дипломатов, китайской экспансии там не ощущалось. Сельское хозяйство в Сибири – занятие очень сложное, китайцы предпочитают для сельского хозяйства более теплые территории. Вывод: «Дальний Восток – прочный русский бастион. Китай слишком слаб, чтобы в этом десятилетии поставить под сомнение статус-кво в Монголии или на берегу Амура». Последнюю фразу Аденауэр подчеркнул.

В 1963 г. МИД ФРГ подготовил по запросу канцлера аналитическую записку об освоении Советским Союзом Восточной Сибири и возможных советских противоречиях с КНР. По поводу миграционных рисков МИД сообщал: «По данным министерства иностранных дел, нет никаких доказательств того, что приграничные районы будут более густо населяться с советской стороны, хотя опасения, что давление китайского населения однажды может быть направлено на малонаселенную Восточную Сибирь, широко распространены среди советского населения». В документе подчеркивалось, что СССР имеет в регионе крупные военные базы, оснащенные в том числе и ядерным

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Ibidem.

оружием, а в приграничных территориях превосходит Китай в военном отношении. Основной вывод гласил: «Однако, по имеющимся данным, китайского вторжения в Сибирь в настоящее время не ожидается. Случайные столкновения имеют сугубо местное значение»⁴⁸.

Аденауэр, даже если и начал испытывать внутренние сомнения, все же продолжал публично продвигать свою «китайскую теорию». В ноябре 1962 г. он принимал председателя Комитета Сената США по международным отношениям Дж. Фулбрайта. Стороны начали с обсуждения планов Китая завоевать некоторые районы Индии, о которых узнали от индийских политиков. Фулбрайт предположил, что Советский Союз не желал бы расширения территории Китая за счет Индии. Слово взял Аденауэр, который вновь вспомнил о своем разговоре с Хрущевым в 1955 г. Фулбрайт узнал об озабоченности советского лидера ежегодным приростом населения Китая в 12 млн человек и просьбе Хрущева о помощи со стороны ФРГ. Далее Аденауэр изложил свою «китайскую теорию», как видно, уже с определенными дополнениями, согласно экспертным и аналитическим оценкам: «Он, господин федеральный канцлер, был уже тогда убежден, что Красный Китай — это наше единственное спасение. Ситуация складывается так, что Советскому Союзу придется сосредоточить все свои усилия на Азии, и он будет счастлив, что у него нет проблем с Западом. В настоящее время Советский Союз превращает Восточную Сибирь в огромный индустриальный район. У них там большие запасы ископаемых, гидроэлектростанции, промышленность, но плохой климат. Он считает, что русские хотят превратить Восточную Сибирь в плотину против Красного Китая. Экспансия Китая может доставить только неприятности Советскому Союзу. Он надеется, что Советский Союз увидит, что для них было бы лучше защитить себя от 650 млн красных китайцев, чем от 200 млн американцев и 200 млн западных европейцев». Фулбрайт ответил, что «он рад слышать эти слова от господина федерального канцлера» и что «развитие, с точки зрения Запада, очень обнадеживающее»⁴⁹.

Таким образом, можно заключить, что страх Советского Союза перед Китаем и необходимость СССР улучшать жизнь собственного населения Аденауэр рассматривал как значимый фактор советского стратегического планирования международной политики. С этим фактором он связывал ожидания изменения внешнеполитического курса СССР в направлении отказа от дальнейшего расширения влияния и последующей сдачи собственных позиций в Европе. Что касается «китайской теории» канцлера ФРГ, то источником и главным доказательством ее послужил незапротокольный разговор с Хрущевым во время визита в Москву. По мнению канцлера, советско-китайские противоречия имели объективный характер и должны были побудить СССР пересмотреть свои отношения со странами Запада. Аденауэр пытался воздействовать на политическую элиту США с целью оказания Западом определенной поддержки Китаю в духе принципа «разделяй и властвуй». Предпосылки сворачивания активной советской политики на Западе Аденауэр видел в текущих и потенциальных экономических проблемах СССР. Хрущев, по его мнению, серьезно стремился повысить жизненный уровень населения своей страны, тем более что смена поколений и появление нового образованного класса в СССР дополнительно грозили советскому лидеру утратой доверия. При этом канцлер предполагал, что решать сложный комплекс внутренних социальных и экономических проблем при поддержании существовавшего уровня гонки вооружений Советскому Союзу будет затруднительно. На практике теория кризисов СССР, основанная на идее конвергенции, нашла выражение в сдерживании развития экономических связей ФРГ — СССР и нескольких акциях, направленных на их ограничение (поддержка эмбарго на поставку труб, призывы против сугубо коммерческого экспорта зерна в СССР). Прогностическая ценность теории Аденауэра о кризисном

⁴⁸ Ibid. Bestand III/27.

⁴⁹ Ibid. Bestand III/61.

развитии СССР невелика. Если предположения о неспособности СССР поддерживать высокий уровень жизни населения и одновременно вести гонку вооружений нашли свое частичное подтверждение в дальнейшем развитии событий (хотя и значительно позже и при условии смены политического курса СССР, ослабления советских политических институтов), то ставка на рост противоречий с Китаем как значимый фактор отказа Советского Союза от своей сферы влияния в Европе себя не оправдала: два коммунистических колоса избежали решительной схватки за гегемонию.

Библиография / References

- Визит Канцлера Аденауэра в Москву 8–14 сентября 1955 г.: документы и материалы / отв. ред. А.В. Загорский. М., 2005.
- Власов С.А., Жанбосов А.Т., Бисенгалиев М.К.* Жилищная проблема в СССР и холодная война // Жилищные стратегии. 2020. Т. 7. № 1. С. 31–44.
- Петелин Б.В.* Конрад Аденауэр: патриарх германской политики // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 142–169.
- Сорокин А.Н.* Советский Союз во внешнеполитической концепции Аденауэра // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 100–106.
- Petelin B.V.* Konrad Adenauer: patriarch germanskoj politiki [Konrad Adenauer: Patriarch of German politics]. Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2006. № 3. S. 142–169.
- Sorokin A.N.* Sovetskij Soyuz vo vneshnepoliticheskoj koncepcii Adenauera [The Soviet Union in Adenauer's Foreign Policy Concept] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2018. № 55. S. 100–106.
- Vizit Kantslera Adenauera v Moskvu 8–14 sentiabria 1955 g.: dokumenty i materialy [The visit of Chancellor Adenauer to Moscow on September 8–14, 1955: documents and materials] / отв. ред. А.В. Загорский. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Vlasov S.A., Zhanbosov A.T., Bisengaliev M.K.* Zhilishchnaia problema v SSSR i kholodnaia voina [Housing problem in the USSR and the Cold War] // Zhilishchnye strategii [Housing strategies]. 2020. T. 7. № 1. S. 31–44.
- Adenauer K.* Erinnerungen 1953–1955. Stuttgart, 1994.
- Adenauer K.* Teegespräche 1961–1963. Berlin, 1992.
- Baring A.* Außenpolitik in Adenauers Kanzlerdemokratie. Bonns Beitrag zur Europäischen Verteidigungsgemeinschaft. München; Wien, 1969.
- Doering-Manteuffel A.* Die Bundesrepublik Deutschland in der Ära Adenauer. Außenpolitik und innere Entwicklung 1949–1963. Darmstadt, 1983.
- Foschepoth J.* Westintegration statt Wiedervereinigung: Adenauers Deutschlandpolitik 1949–1955 // Adenauer und die deutsche Frage. Göttingen, 1988. S. 29–60.
- Franz C.* “Wir wählen die Freiheit!” Antikommunistisches Denken und politisches Handeln Konrad Adenauers // “Geistige Gefahr” und “Immunisierung der Gesellschaft”. Antikommunismus und politische Kultur in der frühen Bundesrepublik / Hrsg. S. Kreuzberger, D. Hoffmann. München, 2014. S. 145–159.
- Gotto K.* Adenauers Deutschland- und Ostpolitik 1954–1963 // Adenauer-Studien / Hrsg. von R. Morssey, K. Reppen. Bd. III. Mainz, 1974. S. 3–91.
- Hacke C.* Weltmacht wider Willen. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart, 1988.
- Haftendorn H.* Adenauer und die Europäische Sicherheit // Konrad Adenauer und seine Zeit. Bd. 2. Beitrage der Wissenschaft. Stuttgart, 1976. S. 92–110.
- Haftendorn H.* Sicherheit und Entspannung. Zur Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland 1955–1982. Baden-Baden, 1983.
- Klessmann C., Stöver B.* Die Deutschlandpolitik der Bundesregierung Adenauer und die politisch-parlamentarische Diskussion in dieser Zeit // Materialien der Enquete-Kommission “Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland”. Bd. V/2. Deutschlandpolitik, innerdeutsche Beziehungen und internationale Rahmenbedingungen. Baden-Baden, 1995. S. 1612–1635.
- Meissner B.* Die Ostpolitik Konrad Adenauers // Konrad Adenauer. 1876–1967. Stuttgart; Zürich, 1976. S. 125–138.
- Morssey R.* Die Bundesrepublik Deutschland. Entstehung und Entwicklung bis 1969. München, 1990.
- Niedhart G., Altmann N.* Zwischen Beurteilung und Verurteilung: Die Sowjetunion im Urteil Konrad Adenauers // Adenauer und die deutsche Frage. Göttingen, 1988. S. 99–117.
- Rudolph K.* Wirtschaftsdiplomatie im Kalten Krieg. Die Ostpolitik der westdeutschen Großindustrie 1945–1991. Frankfurt a.M., 2004.
- Schmidt W.* Willy Brandts Ost- und Deutschlandpolitik // Willy Brandts Außenpolitik / Hrsg. B. Rother. Wiesbaden, 2014.

Schwarz H.-P. Anmerkungen zu Adenauer. München, 2004.

Schwarz H.-P. Das außenpolitische Konzept Konrad Adenauers // Adenauer-Studien / Hrsg. von R. Morsey, K. Reppen. Bd. I. Mainz, 1974. S. 71–108.

Schwarz H.-P. Die deutschlandpolitischen Vorstellungen Konrad Adenauer 1955–1958 // Rhöndorfer Gespräche. Bd. 2. Entspannung und Wiedervereinigung. Stuttgart; Zürich, 1979. S. 18–22.

Sorensen T.C. JFK's Strategy of Peace // World Policy Journal. 2003. Vol. 20. № 3. P. 2–6.

Steininger R. Steininger R. Eine vertane Chance. Die Stalin-Note vom 10. März 1952 und die Wiedervereinigung. Eine Studie auf der Grundlage unveröffentlichten britischer und amerikanischer Akten. Berlin/Bonn, 1990.

Stent A. From Embargo to Ostpolitik: the Political Economy of West German-Soviet Relations. New York, 1982.

Weidenfeld W. Die geistigen Grundlagen der westeuropäischen Integrationspolitik des ersten Bonner Bundeskanzlers. Bonn, 1976.